

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ПЕРЕДНЕАЗИАТСКИЙ
СБОРНИК

III

ИСТОРИЯ И ФИЛОЛОГИЯ
СТРАН ДРЕВНЕГО ВОСТОКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1979

И. П. Вейнберг

К ВОПРОСУ ОБ УСТНОЙ И ПИСЬМЕННОЙ ТРАДИЦИИ В ВЕТХОМ ЗАВЕТЕ

1. Изучая сущность меняющегося и развивающегося исторического мышления или сознания¹, исследователи обращают большое внимание на его «структуру», т. е. на «способ (или, лучше, взаимосвязь способов) фиксации в нем своего предмета»². Каждая система исторического сознания, по мнению Ю. А. Левады, имеет свои специфические способы фиксации (и добавим — передачи) прошлых состояний: если для непосредственно-практического сознания характерен устный способ, то научное историческое сознание основывается на письменной фиксации и передаче³. Кларк⁴ считает, что современный историк обязан выявлять и учитывать способы традирования, примененные в различных исторических источниках⁵.

II. Если для философии истории вопрос о способах фиксации и передачи состояний прошлого — проблема относительно новая, то историками она учитывается и разрабатывается давно и успешно. Убедительное доказательство тому — исследования И. М. Дьяконова⁶ о шумерской и аккадской, ветхозаветной и других литературах древнего Востока.

Особенно интенсивно рассматриваемая проблема разрабатывается в библейской критике, ее основными направлениями в 18—20 вв. Можно согласиться с наблюдением Мувинкела⁷, что

¹ Ю. А. Левада, Историческое сознание и научный метод, — ФПИН, стр. 186—224.

² Там же, стр. 192—193.

³ Там же, стр. 193—195, 201—203.

⁴ G. K. Clark, *The Critical Historian*, London, 1967, стр. 82.

⁵ См. также R. G. Collingwood, *The Idea of History*, Oxford, 1946, стр. 210 и сл.

⁶ И. М. Дьяконов, Эпос о Гильгамеше, — в кн.: «Эпос о Гильгамеше». М.—Л., 1961, стр. 97; его же, К периодизации древних литератур Востока. — НАА, 1963, № 3.

⁷ S. Mowinkel, *Prophecy and Tradition*, Oslo, 1946, стр. 5; J. Bright, *Modern Study of Old Testament Literature*, — BANE, стр. 14—15.

научное изучение Ветхого Завета началось с признания того, что исследователь «имеет дело с книгами, с документами, которые всегда были документами и всегда передавались в письменной форме». Это принципиальное положение, лежавшее в основе «Первой документальной гипотезы», «Гипотезы фрагментов» и «Гипотезы дополнений»⁸, получило свое завершение в концепции творцов и сторонников «Новой документальной гипотезы» Велльгаузена об изначальной письменной фиксации и передаче всего основного ветхозаветного материала⁹. Однако на рубеже 19—20 вв. такая абсолютизация письменной традиции казалась преувеличенной даже таким стойким велльгаузенианцам, как Гельшер, Пфейфер и другие¹⁰, которые допускали существование дописьменной, т. е. устной стадии, фиксации и передачи ветхозаветного материала, но всегда подчеркивали основополагающую роль письменной традиции.

Кризис «Новой документальной гипотезы»¹¹ и появление новых течений в библейской критике — метода изучения литературных жанров и форм (*formgeschichtliche Methode*) и метода изучения кругов традиций (*traditionsgeschichtliche Methode*)¹² — породили существенные сдвиги в постановке и решении вопроса о способах фиксации и передачи ветхозаветного материала.

Творцы метода изучения литературных жанров и форм (Гункел, Грессман, Лодс и другие¹³) признают, что большая часть ветхозаветных произведений создавалась и длительное время передавалась в устной форме, прежде чем она была записана. Устная традиция устойчиво сохранялась потому, что она соответствовала определенным аспектам общественной жизни, и она «передавалась, преобразовывалась и сохранялась соответственно присущим... ей законам, детерминированным, в свою очередь,

⁸ Об этих направлениях см.: J. Veinbergs, *Vecā derība mūsdienā zinātnes skatījumā, Rīgā, 1966, стр. 7—23.*

⁹ С. Н. Cornill, *Einleitung in das Alte Testament, Freiburg i. Berlin — Leipzig, 1896, стр. 8—9*; S. R. Driver, *An Introduction to the Literature of the Old Testament, Edinburgh, 1909, стр. 4—5, и др.*

¹⁰ G. Hölscher, *Geschichtsschreibung in Israel, Lund, 1952, стр. 72—77, 126—128, 165—170*; R. H. Pfeiffer, *Introduction to the Old Testament, New York—London, 1941, стр. 27 и сл.*

¹¹ О кризисе «Новой документальной гипотезы» см.: H. H. Rowley, *Introduction: Trends in Old Testament Study, — OTMS, стр. XV—XXXI*; Bright, *Modern... стр. 13—31*; J. Veinbergs, *Jaunā dokumentālā hipotēze — tās piekritēji un pretinieki, — ССДПИ, 3, 1969, стр. 95—108.*

¹² Характеристику этих течений см.: H. Ringren, *Literarkritik, Formgeschichte, Überlieferungsgeschichte, — ThLZ, 91, Sept., 1966, 9, стр. 641—647*; Mowinckel, *Prophecy... стр. 7 и сл.*

¹³ Разбор метода изучения литературных жанров и форм см.: J. Muilenburg, *Form Criticism and Beyond, — JBL, LXXXVIII, March 1969, 1, стр. 1—18*; W. Richter, *Formgeschichte und Sprachwissenschaft, — ZAW, 82, 1970, 2, стр. 216—225.*

законами социологическими, психологическими, эпико-артистическими»¹⁴.

Создатели и сторонники метода изучения кругов традиций в лице Энгнелла¹⁵ заявляют, что устный и письменный способы традирования сосуществовали и дополняли друг друга на протяжении всего процесса становления Ветхого Завета, однако подчеркивают примат устной традиции¹⁶. Наиболее радикальная точка зрения Нюберга¹⁷, утверждающего, что письменно фиксированный Ветхий Завет является творением слепоглухой общины, ранее которой ветхозаветные произведения создавались и передавались только в устной форме, что на всем древнем Востоке вся литература создавалась и передавалась устно, а отдельные записи служили лишь подспорьем для памяти.

Концепция Нюберга служит отправной точкой для исследования Герхардссена¹⁸, по мнению которого в иудаизме на рубеже эр четко разграничивали устную тору (twrh šb'l ph) и письменную (twrh šbktb). Эти два способа передачи и изучения торы не были равноценными, ибо письменная тора функционировала только в сфере культа и начального образования, а весь процесс интерпретации и развития учения осуществлялся в устной форме, которая, по мнению Герхардссена, доминировала в духовной жизни иудаизма и раннего христианства¹⁹.

Работа Герхардссена вызвала много возражений. Типл²⁰ запальчиво объявляет мысль о решающей роли устной традиции «одной из серьезнейших ошибок библейской критики». Виденгрэн²¹ в более вдумчивом анализе работы Герхардссена заключает, что автор недооценил роль письменной традиции в иудаизме и христианстве, не понял значения, которое определенные круги придавали письменному способу традирования. Сказанное отнюдь не совпадает с точкой зрения Китчена²², полностью от-

¹⁴ Mowinkel, *Prophecy...*, стр. 9—10; о законах устной традиции см.: П. А. Гринцер, *Эпос древнего мира*, — ТВЛДМ, стр. 140—142.

¹⁵ J. Engnell, *Methodological Aspects to Old Testament Study*, — «Supplements to VT», VII, 1960, стр. 22—24.

¹⁶ Особенно: H. Birkeland, *Zum hebräischen Traditionswesen: die Komposition der prophetischen Bücher des Alten Testaments*, Oslo, 1938, стр. 14—22.

¹⁷ H. S. Nyberg, *Studien zum Hoseabuch*, Uppsala, 1935, стр. 1—20.

¹⁸ B. Gerhardsson, *Memory and Manuscript. Oral Tradition and Written Transmission in Rabbinic Judaism and Early Christianity*, Uppsala, 1961, стр. 21—42, 71—82.

¹⁹ Ср. H. Riesenfeld, *The Gospel Tradition and its Beginning*, London, 1957.

²⁰ H. M. Teeple, *The Oral Tradition that never existed*, — JBL, LXXXIX, March 1970, 1, стр. 56—68.

²¹ G. Widengren, *Tradition and Literature in Early Judaism and in the Early Church*, Leiden, 1963, стр. 43 и сл.

²² K. A. Kitchen, *Ancient Orient and Old Testament*, Chicago, 1966, стр. 135—137.

рицающего наличие на древнем Востоке самостоятельной устной традиции.

Правильное решение проблемы «устная традиция — письменная традиция», по-видимому, не в альтернативном выборе, а в признании сосуществования и взаимодействия обоих способов фиксации и передачи ветхозаветного материала. Именно по этому пути идет Мувинкел²³, признающий, что «устная и письменная традиции уже в древности существовали бок о бок и воздействовали друг на друга... Но в конце концов писаное слово стало преобладающим»²⁴.

Концепция Мувинкела представляется наиболее обоснованной, но вопрос о способе или способах традирования должен решаться для каждого ветхозаветного произведения и его компонентов в отдельности с учетом временной и историко-культурной среды, жанра и содержания. Поэтому необходимы по возможности объективные критерии для выявления способов фиксации и передачи ветхозаветного материала. Наша статья представляет собой попытку выявить такие критерии в основном на материале пророческих и исторических произведений Ветхого Завета, ибо в них наиболее выпукло проявилось ветхозаветное историческое мышление, одним из показателей сущности которого служит способ фиксации и передачи состояний прошлого.

III. Искомыми объективными критериями, по нашему мнению, могут стать термины, обозначающие в Ветхом Завете устный и письменный способы фиксации и передачи. Но слова, обозначающие устный способ — *ʿam* (сказать), *ʿdbr* (говорить) и другие, имеют многовариантную семантику²⁵ и могут выражать также устную передачу письменного текста. Поэтому целесообразно обратиться к терминам письменного способа, которые более четки и однозначны. В I-й таблице учтены основные ветхозаветные термины письменной фиксации — глагол *ʿktb* (писать), его дериваты *ḳṯāb* (письмо) и *miḳṯāb* (письмо), слова *mēgillā* (свиток), *lūaḥ* (табличка), *ʿiggeret* (письмо), *sēper* (письмо, книга) и *diḳrōnā-dāḳran* (меморанд) — и указано количество их упоминаний во всех произведениях масоретского Ветхого Завета.

²³ Mowinkel, Prophecy... стр. 34.

²⁴ Аналогичных взглядов придерживаются: A. Bentzen, Introduction to the Old Testament I, Copenhagen, 1957, стр. 102—108; O. Eissfeldt, Einleitung in das Alte Testament, Tübingen, 1956, стр. 9 и сл.; J. van der Ploeg, Le rôle de la tradition orale dans la transmission du texte de l'Ancien Testament, — RB, LIV, 1947, и др.

²⁵ Th. Vroman, Das hebräische Denken im Vergleich mit dem griechischen, Göttingen, 1965, стр. 45—55.

Таблица 1*

Произведение	√ktb	ktb	mktb	mglh	iwh	'grt	spr	dkrwnh
Gn.	—	—	—	—	—	—	1	—
Ex.	11	—	3	—	17	—	4	—
Lev.	—	—	—	—	—	—	—	—
Nu.	5	—	—	—	—	—	2	—
Dt.	23	—	1	—	17	—	11	—
Jos.	13	—	—	—	—	—	6	—
Jdc.	1	—	—	—	—	—	—	—
I—II Sam.	4	—	—	—	—	—	4	—
I—II Reg.	46	—	—	—	2	—	60	—
Is.	7	—	1	—	1	—	11	—
Jer.	21	—	—	14	1	—	24	—
Ez.	8	1	—	4	1	—	—	—
Hos.	1	—	—	—	—	—	—	—
Joel.	—	—	—	—	—	—	—	—
Am.	—	—	—	—	—	—	—	—
Ob.	—	—	—	—	—	—	—	—
Jo.	—	—	—	—	—	—	—	—
Mi.	—	—	—	—	—	—	—	—
Nah.	—	—	—	—	—	—	1	—
Hab.	1	—	—	—	1	—	—	—
Zeph.	—	—	—	—	—	—	—	—
Hag.	—	—	—	—	—	—	—	—
Zach.	—	—	—	2	—	—	—	—
Mal.	1	—	—	—	—	—	1	—
Po.	6	—	—	1	—	—	4	—
Prov.	3	—	—	—	2	—	—	—
Hi.	3	—	—	—	—	—	2	—
Cant. cant.	—	—	—	—	1	—	—	—
Rt.	—	—	—	—	—	—	—	—
Thr.	—	—	—	—	—	—	—	—
Eccl.	1	—	—	—	—	—	1	—
Esth.	17	9	—	—	—	2	11	—
Dan.	7	11	—	—	—	—	6	—
Esr.—Neh.	20	5	1	1	—	10	12	3
I—II Chr.	33	3	3	—	1	2	23	—
Всего 537 . . .	232	29	9	22	44	14	184	3

* Подсчет произведен по: G. L i s o w s k y, Konkordanz zum hebräischen Alten Testament, Stuttgart, 1958.

Прежде чем обратиться к анализу данных этой таблицы, следует отметить, что отсутствие в ветхозаветном произведении тер-

минов письменной традиции нельзя считать доказательством устного традирования, лежавшего в основе данного произведения или его части. Так, например, отсутствие в Jo²⁶ и Pt²⁷ терминов письменной традиции не свидетельствует о том, что эти произведения созданы устным способом. С другой стороны, наличие таких терминов зачастую доказывает, что, например, в I—II Reg. (I. 11, 41; 14, 19, 29; II. 1, 18 и др.) и I—II Chr. (I. 9, 1; II. 16, 11; 25, 26 и др.) действительно использованы письменные тексты.

Данные 1-й таблицы чаще всего позволяют выявить распространенность письменной традиции в различных временных отрезках ветхозаветной истории (диахронный аспект) и определить применение письменного способа фиксации и передачи в различных жанрах ветхозаветной литературы (синхронный аспект).

Анализ данных 1-й таблицы в диахронном аспекте позволяет установить, что термины письменной традиции преобладают в ветхозаветных произведениях, повествующих о времени допленных монархий (I—II Reg., I—II Chr. и др.) и после пленной гражданско-храмовой общине (Esg.—Neh. и др.). Такая соотнесенность государственности и письменной традиции служит косвенным подтверждением правильности избранного критерия, ибо само образование государства и укрепление его административного аппарата²⁸, развитие образования и распространение грамотности, особенно в после пленное время²⁹, способствовали широкому применению письменности во многих сферах жизни.

²⁶ Не оспаривая возможности использования автором Jo. устного фольклорного материала, большинство современных исследователей (Bentzen, Introduction II, стр. 144—147; E. G. Kraeling, The Evolution of the Story of Jonah, — NAD-S, стр. 305—318) признают создание этого произведения письменным способом, а Биркеланд (Zum hebräischen..., стр. 71) даже отрицает наличие в Jo. каких-либо элементов устной традиции.

²⁷ Все исследователи, как отстаивающие допленную дату для Rt. (R. M. Hals, The Theology of the Book of Ruth, — по ред.: R. F. Melugin, — JBL, LXXXIX, March 1970, 1, стр. 100—101); S. Yeivin, meḥkārīm betoledōt yisrā'el we'arsō, 1960, стр. 181, и др.), так и признающие после пленную дату (Bentzen, Introduction II, стр. 182—186; Pfeiffer, Introduction, стр. 717—719; J.-L. Vesco, La date du livre de Ruth, — RB, 74, Avril 1967, стр. 235—247, и др.), признают изначально письменную форму этого произведения.

²⁸ G. Buccellati, Cities and Nations of Ancient Syria, Roma, 1967, стр. 130 и сл.; B. C. Dinur, hahistōriōgr'apiyā hammikrā'it sel tekūpāt hammelūkā, — VBR, стр. 16; T. N. D. Mettinger, Solomonic State Officials, Lund, 1971, стр. 140—157, и др.

²⁹ N. Drazin, History of Jewish Education from 515 B. C. E. to 220 C. E., Baltimore, 1940, стр. 40—42, 81—113; E. Ebner, Elementary Education in Ancient Israel during the Tannaitic Period (10—220 C. E.), New York, 1956, стр. 11 и сл.; N. Morris, The Jewish School, London, 1937, и др.

Обращаясь к анализу данных таблицы в синхронном аспекте, мы ограничиваем себя в этой работе лишь двумя жанрами ветхозаветной литературы — пророческой и исторической, в которых, кстати, содержится ок. 70% всех упоминаний терминов письменной традиции в Ветхом Завете.

Новые исследования пророческого движения и пророческой литературы опровергают ранее преобладавшую концепцию об уникальности этого явления, резко различии между пророками и жрецами, коренном отличии трех *Schriftpropheten* от остальных, сугубо индивидуалистическом характере деятельности пророков³⁰. Работы Мувинкела, Хука, Роули, Финкельштейна и других³¹ доказали, что явление, близкое к ветхозаветному пророчеству, встречается в других странах древнего Востока, что пророки, как и жрецы, были связаны с культом и объединены в пророческие ассоциации, что нет никакой принципиальной разницы между тремя «письменными» пророками (*Is.*, *Jeg.* и *Ez.*) и остальными. Мувинкел³², правда, утверждал, что следует отличать трех письменных пророков от остальных — неписьменных.

Данные нашей таблицы совпадают с мнением Мувинкела, ибо из 102 упоминаний терминов письменной традиции во всей ветхозаветной пророческой литературе 94 упоминания относятся к трем «письменным» пророкам, а лишь 8 — к двенадцати остальным. Важно подчеркнуть, что наибольшее количество (60) упоминаний этих терминов встречается в *Jeg.* — у наиболее «письменного» из всех пророков. В произведениях семи из двенадцати малых пророков (*Joel.*, *Am.*, *Ob.*, *Jo.*, *Mi.*, *Zeph.* и *Hag.*) рассматриваемые термины вообще отсутствуют. Столь заметное различие не может быть случайным. Его нельзя объяснить разностью содержания или жанровыми особенностями, оно не совпадает также с делением пророческих произведений на принадлежавшие к традиции *Иахве С^еб^а’от* или к традиции *’Адон^ай Иахве*³³, ибо термины письменного традирования часто встречаются в *Jeg.*, относящейся к первой традиции, и отсутствуют в

³⁰ Cornill, *Einleitung*, стр. 141 и сл.; Driver, *An Introduction*, стр. 204 и сл., и др.

³¹ S. Mowinkel, *Psalmenstudien III. Die Kultprophetie und prophetische Psalmen*, Oslo, 1923; S. H. Hooke, *Prophets and Priests*, London, 1938, стр. 10 и сл.; H. H. Rowley, *Ritual and the Hebrew Prophets*, — *MtQ*, стр. 30—61; L. Finkelstein, *New Light from the Prophets*, New York, 1969 (по ред.: J. Neusner, — *JAOS*, 91, April—June 1971, 2, стр. 303—304), и др.

³² Mowinkel, *Prophecy...*, стр. 27—29.

³³ F. Baumgärtel, *Zu den Gottesnamen in den Büchern Jeremia und Ezechiel*, — *VuH*, стр. 1—29; И. П. Вейнберг, *Гражданско-храмовая община в западных провинциях Ахеменидской державы*. Автореф. докт. дисс. Тбилиси, 1973, стр. 16—17.

других произведениях этой группы (Am., Hag. и др.), зато имеются в Ez. из традиции 'Адон'аи Йахве.

Следует, однако, учесть, что все ветхозаветные пророческие произведения открываются терминами устного традирования: *dābār* (слово, Jer. 1, 1; Ez. 1, 3; Hos. 1, 1; Joel. 1, 1; Am. 1, 1; Jo. 1, 1; Mi. 1, 1; Zeph. 1, 1; Hag. 1, 1; Zach. 1, 1), *maššā'* (речение, Nah. 1, 1; Hab. 1, 1; Mal. 1, 1) и *ḥāzōn* (видение, Is. 1, 1; Ob. 1, 1). Учитывая, что «начало в литературном произведении имеет определяющую моделирующую функцию — оно... замена более поздней категории причинности. Объяснить явление — значит указать его происхождение»³⁴, и памятуя о нормативном характере жанровых особенностей в древних литературах³⁵, позволительно предположить, что создатели сборников пророческих произведений стремились вызвать у своих читателей впечатление об изначальной и основополагающей роли устного слова как свидетельства прямого и непосредственного общения пророка с богом³⁶.

Если это наблюдение верно, то наличие в одних пророческих произведениях терминов письменной традиции, особенно если они применены к деятельности самого пророка (Jer. 25, 13; 29, 1; 30, 2 и др.), может в какой-то степени служить доказательством изначальной или ранней письменной фиксации слов пророка³⁷. С другой стороны, отсутствие терминов письменной традиции иногда может свидетельствовать о длительном сохранении данных пророческих речений в устной форме³⁸. Последнее, вероятнее всего, имело место по отношению к небольшим сборникам³⁹, какими были произведения малых пророков. В таком случае не надо удивляться тому, что в них столь редко появляются термины письменной традиции. Поэтому разграничение «письменные — неписьменные» пророки не лишено основания, но главное в том, что в кругах творцов, собирателей и составителей пророческих произведений устойчиво сохранилось признание авторитетности устного слова, независимо от лежавшего в основе реального способа или способов фиксации и передачи пророчеств.

³⁴ Ю. М. Лотман, Структура художественного текста, М., 1970, стр. 259—260.

³⁵ Гринцер, Эпос, стр. 142; Д. С. Лихачев, Поэтика древнерусской литературы, Л., 1971, стр. 46 и сл.

³⁶ O. Eissfeldt, The Prophetic Literature, — OTMS, стр. 134—145.

³⁷ Например: Jer., см.: A. Baumann, Urrolle und Fasttag, — ZAW, 80, 1968, 3, стр. 350—373; C. Rietzschel, Das Problem der Urrolle, Gütersloh, 1966 (по рец.: W. L. Holladay, — VT, XVIII, July 1968, 3, стр. 400—405).

³⁸ Например, Hab., см.: W. H. Brownlee, The Composition of Habakkuk, — HAD-S, стр. 255—275.

³⁹ Mowinckel, Prophecy..., стр. 26—32, 50—51; A. Rofé, The Classification of the Prophetic Stories, — JBL, LXXXIX, Dec. 1970, 4, стр. 427—429.

В ветхозаветных исторических произведениях — в девтеронимическом цикле (Jos.— II Reg.)⁴⁰, в произведениях хрониста (I—II Chr.) и в Esr.— Neh⁴¹ — явно доминирует стремление подчеркивать важность и значимость письменного способа фиксации и передачи. Правильность этого наблюдения подтверждает тот факт, что в ветхозаветных исторических произведениях встречается ок. 55% всех упоминаний терминов письменной традиции, хотя эти произведения составляют лишь ок. 27% общего объема масоретского Ветхого Завета. Примечательно также, что количество упоминаний терминов письменной традиции в описании истории монархий (116 раз в I Sam.— II Reg.) заметно больше, чем в изложении истории домонархического периода (всего 20 раз в Jos.— Jdc.), что коррелирует с реальным процессом распространения письменности и письменной традиции в первой половине I тысячелетия до н. э.

Но более существенно то, что количество упоминаний терминов письменной традиции в произведениях исторического жанра образует величину в значительной степени константную, невзирая на различия во времени создания девтеронимического цикла и произведения хрониста. Об этом говорит 2-я таблица, в которой приведены данные о соотношении между количеством стихов, т. е. объемом (а), и количеством упоминаний терминов письменной традиции (б) в рассматриваемых произведениях:

Таблица 2

Название произведения	а	б	Соотношение
Jos.— II Reg.	4314	136	1 : 0,031
I—II Chr.	1656	65	1 : 0,039

Значение этих количественных показателей только в выявлении определенной тенденции в ветхозаветных исторических произведениях, а именно тенденции постоянства и устойчивости в употреблении терминов письменной традиции в сочинениях этого жанра.

⁴⁰ Дискуссионный (см.: O. Eissfeldt, *Geschichtsschreibung im Alten Testament*, Berlin, 1948; N. H. Snaith, *The Historical Books*,— OTMS, стр. 84—114, и др.) вопрос о генезисе и составе девтеронимического цикла для данной работы не столь существен.

⁴¹ Отказываюсь от ранее отстаиваемой точки зрения о единстве Chr.— Esr.— Neh. (Veynbergs, *Vecā derība*, стр. 135) и принимаю точку зрения (S. Japhet, *The Supposed Common Authorship of Chronicles and Ezra—Neh. Investigated anew*,— VT, XVIII, July 1968, 3, стр. 330—371) о самостоятельности I—II Chr., Esr. и Neh.

Правильность этого наблюдения подкрепляется анализом того, что в исторических произведениях обозначено терминами письменной традиции, выявлением того, к какому тексту⁴² применены рассматриваемые термины в параллельных по содержанию II Sam.—II Reg. и I Chr. 10—II Chr. 36.

Таблица 3

Название текста	II Sam.—II Reg.		I Chr. 10 — II Chr. 36			
	$\sqrt{\text{ktb}}$	spr	$\sqrt{\text{ktb}}$	ktb	mktb	spr
1. <i>тōрā</i>	7	12	11	1	—	13
2. «анналы»	34	34	7	—	—	9
3. слова пророков	—	—	9	—	1	—
4. указы, письма и проч. царей и чиновников	7	10	2	2	2	1

Данные этой таблицы говорят об унифицированном применении в обоих исторических циклах терминов письменной традиции к ограниченной и определенной группе текстов: 1. к *сēпер тōрат моше* (II Reg. 14, 6; II Chr. 25, 4 и др.) и книге, «найденной» в храме во время Йошийаху⁴³ (II Reg. 22, 11, 13, 16; II Chr. 34, 21, 31 и др.), 2. к царским «анналам» (I Reg. 11, 41; 14, 29; II Reg. 1, 18; II Chr. 16, 11 и др.) и 3. к письмам, указам и проч. царей и чиновников (I Reg. 21, 8, 9; II Reg. 10, 1 и др.). При этом важно подчеркнуть, что создатели девтерономического и хронистского циклов не просто упоминают эти письменно фиксированные тексты, но отводят им особую роль в своих сочинениях. Дело в том, что почти все упоминания «книг анналов» в девтерономическом цикле (I Reg. 14, 19, 29; 15, 7, 31 и др.) и у хрониста (II Chr. 16, 11; 20, 34 и др.) приводятся в конце каждой единицы текста, а «конец активизирует признак цели» в литературном произведении⁴⁴. Подчеркивание письменного способа фиксации и передачи в конце единиц текста в исторических произведениях Ветхого Завета выполняет функцию, аналогичную подчеркиванию устного способа фиксации и передачи в начале ветхозаветных пророческих произведений (стр. 67). Мы вправе предположить, что в кругах творцов ветхозаветных исторических произведений отчетливо проявлялась тенденция признавать особую авторитетность письменной традиции.

⁴² Понятие «текст» употребляется согласно определению Лотмана («Структура...», стр. 67—69).

⁴³ Для данной работы вопрос о содержании и составе этих книг не играет существенной роли.

⁴⁴ Лотман, Структура..., стр. 262.

Данные 3-й таблицы одновременно свидетельствуют и о том, что в применении терминов письменной традиции между девтерономистом и хронистом имеется одно существенное расхождение: если первый в полном соответствии с доминирующей в пророческих произведениях тенденцией (стр. 67) не употребляет по отношению к словам пророков термины письменной традиции, то хронист (I Chg. 29, 29; II Chg. 9, 29; 12, 15 и др.) неоднократно, особенно в конце единиц текста, прибегает к этим терминам. Это явление, равно как и то, что хронист не употребляет *сефер* к речениям пророков, хотя охотно пользуется этим словом применительно к царским «анналам» (II Chg. 16, 11; 24, 27 и др.), требует особого рассмотрения в связи с более широкой проблемой «пророческая традиция у хрониста».

IV. Вышеизложенное позволяет сделать несколько выводов:

1. Изучение способа или способов фиксации и передачи событий прошлого является важной предпосылкой для понимания сущности исторического сознания, лежавшего в основе Ветхого Завета и его составных частей.

2. Термины, обозначающие устный и письменный способы фиксации и передачи, особенно последние, могут служить достаточно объективными критериями для выявления способа или способов традирования, примененных в ветхозаветных произведениях.

3. Признание доминирующей роли устной традиции в кругах творцов ветхозаветных пророческих произведений и подчеркивание авторитетности письменного текста создателями ветхозаветных исторических сочинений, равно как и выявленные расхождения в обращении с пророческими речениями у девтерономиста и хрониста, помогут в дальнейшем изучению особенностей последнего как историка.